

* * *

Ничего уютней дыма
Над курносою трубой
Я не знаю. Еле зрима
Струйкой бледно-голубой

Дым – суспензия от стресса,
Растворяется легко,
И щекочет ноздри леса,
И уходит в молоко.

Словно пальцем в небо целит,
Душу зябкую целит,
А порой собьётся в целый
Церемонный цеппелин,

Что вплывёт, как в птичью стаю
В падающий мягко снег.
Ничего уютней, знаю,
Дыма этого и нет!

* * *

Пусть хмурая в окне архитектура,
Глаза не открываются без рези,
Пусть ночь стоит, которая под утро
Длинней, чем товарняк на переезде,

А ты возьми, и сделай утро добрым!
Трюк непростой, но ты попробуй всё же,
И не сочти призыв мой агитпропом,
Ведь это можно сделать даже лёжа.

Ты утро запусти, почти не целясь,
Роскошной авиамоделью в небо.
То будет лишь твоя теодицея,
Тобой самим содеянная треба.

* * *

Александр Невскому

Вопрошают –
 чего это ради
Он пять раз уезжал на хурал?
Оборону на Западе ладил,
А друзей на востоке искал.

Спорят –
 рвался ли только к кормилу,
Даже близких сметая с пути?
Он же, хоть опирался на силу,
Бога в правде пытался найти.
Обвиняют –
 мол, князь изуверу
За ярлык продавался. А он
Защитил и отчизну, и веру,
И небесную славу нашёл!

* * *

За больничным окном только небо и кроны дерев.
Только кроны и небо, да большего, в общем, не надо.
Облака рисуют драконов, лошадок и дев,
А листва сочной губкой сотрёт это зыбкое стадо.

За окном только небо, как море, что тычется в мол,
О зелёные кроны гася свои синие волны.
За окном только кроны настойчиво шепчутся, мол,
Окружающий мир мы собою по полной заполним.

И заполнили, вытеснив все остальные цвета,
Лишь зелёный и синий, да облака белая пенка.
Но и это с избытком тому, кому в прорезь бинта
Виден край батареи, окно, да бетонная стенка.

МУЗЕЙНАЯ ЭВАКУАЦИЯ
ИЗ ПРИГОРОДОВ ЛЕНИНГРАДА

Грузите скорей, что сумели
Собрать, под рыданье ворон!
Уже расстреляли Растрелли
И взорван уже Камерон.

Застрявшим колоннам сигнальте,
Скрывая под ветошью кладь.
Уже павильоны Ринальди
Под горку ведут убивать.

Кваренги разбит бесподобный
И пал под бомбёжкой Земцов.
Они достают броневойными
До двух предыдущих веков.

Разрывы, как жуткие корни
вдоль улиц встают там и тут.
Развалины флигелей чёрных,
Как зубы больные, гниют.

Трёхтонка последняя мчится,
Чихая, по насыпи вдаль.
И женщины все пересчитывают
Спасённый фарфор и хрусталь.